

МИФОЛОГЕМА «ДОМ» В ПРОЗЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

© Людмила Ивановна ВОРОНЦОВА

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
г. Самара, Российская Федерация, аспирант, кафедра русской,
зарубежной литературы и методики преподавания литературы,
e-mail: lusyok_v@mail.ru

Проведен анализ мифологемы дома в прозе Л. Петрушевской, который является центральным духовно-культурным понятием русской культуры и ключевой единицей мифопоэтики. Материалом для исследования послужил сборник «Не садись в машину, где двое: истории и разговоры» (2011). На примере аналитического разбора текстов современной писательницы показано, как изменяются смыслы и функционирование культурных кодов, пронизывающих образную систему рассказов. В качестве доминантной выбрана мифологема дома. В произведениях Л. Петрушевской этот образ сочетает в себе несомненные элементы архаических представлений, на которые накладываются коды современной культуры. Мифологема дома теряет свои универсальные черты и предстает симулятивный образ с его неконстантным состоянием, что свидетельствует о дискредитации представлений о доме в сравнении с традиционными представлениями.

Ключевые слова: мифологема; мифологема дома; культурный код.

Художественной природе литературы XX в. с присущим ей синкретизмом свойственно стремление использовать в создании новых текстов и новых смыслов метатекст мировой культуры, мозаику образов, мотивов, структурных блоков. Так, например, представления, связанные с образом дома, столь характерные для русской литературы XX в., принадлежат к числу вечных, глубинных, центральных духовно-культурных понятий. В.С. Непомнящий обозначил понятие дома в русской культуре следующим образом: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом – «родное пепелище», основа «самостоянья», человечности человека», «залог величия его», осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [1, с. 26]. Приведенное высказывание достаточно емко отражает традиционные представления об образе дома. Понятие «дом» в народной культуре – средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода. Его важнейшая функция – защитная, поскольку «дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внеш-

нему» [2, с. 168-169]. Образ дома выступает, таким образом, в художественном сознании как мифологема.

Необходимо сказать, что мифологема в данном случае выступает доминантной единицей, ключевым компонентом мифопоэтики, сюжетообразующим элементом художественного произведения. Как культурный знак, понятный всем, она может становиться не только частью сюжета, одним из центральных образов, но также может и отражать универсальный образ мира, быть образцом миропорядка как в архаичном сознании. Автор, используя ту или иную мифологему, часто оценивает ее устойчивый смысл, поддерживающий традиционный миропорядок и передающий сакральное знание о мире. Смысл образа дома от древности до наших дней заключается в способности создать мифосимволически заданную реальность, поскольку мифологема дома в большей степени отражает механизмы отношения человека к действительности. Это универсальный образ, характерный для любой культуры, для любого народа. Это вариант универсума, упорядоченного мира, микрокосма, который проецируется как на мир, так и на человека.

Пространственная мифологема дома в рамках культурной традиции обладает особой функцией: «...Дом – своеобразная модель универсума, воссозданная человеком для самого себя. Дом соединяет в себе не только пространственные, но и временные связи, т. к. дом – это родовое гнездо» [3,

с. 73]. У А. Чехова, М. Булгакова начинается переосмысление понятия дом, наблюдается нарушение представлений о родовом гнезде. «У Чехова гармония дома – в прошлом. Дом, в который мы попадаем <...> тронут тлением, он – на грани краха» [3, с. 73]. Рассматривая чеховский лейтмотив утраченного дома, Т.В. Журчева отмечает, что «чеховский Дом – это бывший дом, бывшее родовое гнездо, которое вот-вот будет уничтожено в его первоизданном и, следовательно, гармоничном виде...» [3, с. 73].

В 1970–1980-е гг. происходит переосмысление мифологемы дома, теряется сакральный смысл дома, у человека остается лишь его иллюзия. Но симуляция дома поддерживает человека больше, чем мог бы поддерживать реальный дом. Т.В. Журчева выделяет два варианта симулятивного дома – дачу и городскую квартиру [3, с. 70-79].

Л. Петрушевская часто пишет о доме (или его отсутствии), о его поиске, создании (или о его утрате, крахе, разрушении). Эта проблема становится центральной в ряде пьес: «Уроки музыки», «Любовь», «Квартира Коломбины», «Лестничная клетка», «Чинизано», «Три девушки в голубом». Мотив поиска дома, изгнание из него и возвращения есть и в прозе писательницы.

В данной работе я обращаюсь к рассказам, вошедшим в сборник «Не садись в машину, где двое» (2011), где присутствует мифологема дома. И первое, на что следует обратить внимание, это то, что дома у Петрушевской – собственно пространственного образа в буквальном смысле слова – нет. Слово «дом» приобретает в какой-то степени значение фигуры речи. Это квартира в многоквартирном доме, комната в коммуналке, дача (как, например, в пьесе «Три девушки в голубом»), съемная квартира, одна комната и кухня и т. д. На уровне языковой характеристики чаще всего обозначение жилья носит отрицательно-негативную коннотацию: загаженная кухня, конура, землянка и т. д.

Образ дома в мире Петрушевской имеет минимальную пространственную характеристику. На уровне лексики встречается небольшое количество слов с пространственным лексическим значением. Ослабевает противопоставление внутреннего пространства внешнему, закрытого – разомкнутому (исключение составляет, пожалуй, повесть «Маленькая Грозная»). Не явно, но все же прослеживается оппозиция «верх-низ». Низ

ассоциируется с бытом, а верх связан с представлениями об идеале.

Сакральное понимание дома предполагает его наполненность, наличие в нем людей. У Петрушевской семья и дом неустойчивы во времени. Эта временность связана не только с незначительностью и ослабленностью тех функций, которые несет в себе понятие «дом», но и обозначено в постоянном размене, продаже комнат и квартир, а также в динамике живущих: люди въезжают и выезжают, уходят и приходят. Так, например, в рассказе «Воспитание чувств» сын ходит к матери, переехавшей к другому мужчине, может переночевать там, но всегда возвращается домой, «в скудную отцову жизнь» [4, с. 68]. Обратная ситуация наблюдается в рассказе «Нет решения», когда сын, «единственная кровинка, беленький сынок, надежда и верная, неизменная любовь», ходит в новую семью отца (отец ушел к соседке). Тогда как «мать сына, Марина, терпела, свыклась, что сын не приходит вечером домой, тихо звонила сама и, удостоверившись, услышав раздраженный ответ бывшего мужа, спала в одиночестве» [4, с. 83]. В «Странной истории мужа и жены» главная героиня переезжает на квартиру подруги, потому что муж сдал их квартиру, «взял в банке ссуду под залог квартиры, потом он купил дорогую машину в кредит и разбил ее» [4, с. 92]. И все эти приходы-уходы самых близких людей сопряжены с разрушением гармонии в доме. Сам дом уже не является закрытым, защищенным пространством, он становится временным помещением, неустроенным для жизни.

Уход героя из дома – точка отсчета, порыв в сторону пути, открытого пространства, движения. Но дом – это еще и точка возврата, куда возвращается человек уже в новом качестве, пройдя ряд испытаний вне дома. Так, девушка Оля из одноименного рассказа, скрывая свою беременность, уезжает из дома матери на окраину города в снятую квартиру, а возвращается в новом статусе, матерью. Ее мама поначалу не признает этого, но к финалу рассказа все-таки звучит это признание новой, материнской роли своей дочери: «парень так похож на тебя, – сказала она, наконец, – просто вылитая ты. Как ты была маленькая <...> И она заплакала, стояла и плакала, глядя, как дочь кормит ребеночка» [4, с. 37].

Интенция дома в некоторых мистических учениях представляется женским аспектом мироздания, а также намечается символическая связь между Домом и хранилищем мудрости, т. е. традиции самой по себе. Кроме того, Дом часто уподобляется телесному микрокосму человека – соотносится с частями тела и мыслью [5, с. 179-180]. Женщина у Петрушевской становится хранительницей культурного кода, поскольку заняла место мужчины. Трагическая история войн и революций XX в. в прямом смысле вытеснила мужчин из жизни. Внимание Петрушевской переключается на женский мир, не случайно в ее произведениях именно по женской линии передается дом, именно она стремится создать свой дом, всеми силами пытается сохранить и защитить его. «Не светских удовольствий, ресторанов и гостиничных номеров ей не хватало <...> А вот *свить гнездо*, расположиться там в *безопасности*, в уюте-заботе, быть именно в своем доме главной актрисой, а не на улице и не работе...» [4, с. 39] (Здесь и далее выделено мной. – Л. В.). Или: «Тут девушка *старается создать семью*, встречает то одно на жизненном пространстве, то другое» («Заечка и Алешка») [4, с. 40].

Женская доминанта не только часть культурного кода, но и часть реальной действительности. Мужские коды она внесла в женский мир. Женщина в рассказах Петрушевской сама ведет хозяйство на собственные средства: «хозяйство вела жена, она покупала продукты, готовила, стирала, гладила, убиралась, мыла посуду – все как всегда. Муж <...> денег на хозяйство не давал» («Странная история мужа и жены») [4, с. 88].

С.П. Черкашина, автор диссертационного исследования, посвященного творчеству Л. Петрушевской, в своей работе отметила, что у Петрушевской «центром дома является спальня и ее ассоциаты: кровать и одеяло» [6]. На мой взгляд, центром дома у Петрушевской все-таки выступает кухня, помещение, так сказать, с очагом со свойственным ему сакральным смыслом.

Дом в художественном мире писательницы не вполне материализован, она заменяет ненаполненность дома вещами наполненностью людьми. Но и эта наполненность людьми оказывается мнимой, что подтверждает идею симуляции дома, его неконстантного состояния. Обмен, раздел, объединение, продажа и покупка нового дома (квар-

тиры в многоквартирном доме) – все это демонстрирует то, что само жилье неустойчиво, динамично, а не только человек в нем. Традиционно дом – это прежде всего оседлость, но в прозе Л. Петрушевской преломляется и эта черта мифологии дома.

Нарушается и гармония внутри дома. Муж и жена сосуществуют как «недружественные соседи, почему-то ведущие общее хозяйство» [4, с. 88]. Отношение мужчины и женщины к дому различное. Для женщины с домом связана возможность выйти замуж, создать семью, возможность продолжения рода: «Где была ее ошибка, если она всюду старалась прожить наилучшим образом, сделать дело как можно более скрупулезно: образцовый дом, талантливый сын, сама скромная и пожертвовавшая своим даром ученого ради семьи? Где она проиграла, на чем? <...> Может быть, дело в том, что она совершила главную ошибку – предпочла мужу свое главное произведение, вершину своей жизни, дорогого сыночка? Но так часто у матерей и происходит, однако случается, что семьи все-таки удерживаются в полном составе» («Нет решения») [4, с. 84]. Если женщина привязана к дому, то мужчина в прозе Петрушевской не держится за дом, он не часть этого домашнего мира, он может быть изгнан или уйти сам. Так в произведениях писательницы уходят сыновья, братья, мужья, друзья, любовники, просто знакомые мужчины. Если говорить об эпической традиции, мужчина покидает дом, чтобы пройти испытания, но обязательно возвращается в новом статусе личности. У Петрушевской же мужчина возвращается либо на время, либо не возвращается вовсе. Ее героини, женщины нескольких поколений, строят свой, «женский дом» по аналогии с «мужским домом»¹ [7, с. 203]. «Куда человека тянет, куда его несет? Туда, где его любят. В семье никого не любят, кроме домашних животных и ма-

---

¹ Мужские дома – это особого рода институт, свойственный родовому строю <...> Функции мужских домов разнообразны и неустойчивы. Во всяком случае можно утверждать, что в известных случаях часть мужского населения, а именно юноши, начиная с момента половой зрелости и до вступления в брак, уже не живут в семьях своих родителей, а переходят жить в большие, специально построенные дома, каковые принято называть «домами мужчин», «мужскими домами» или «домами холостых». Здесь они живут особого рода коммунарами [7, с. 112-113].

лышей, дальше уже идет война фронт на фронт: мать на отца, отец на детей, бабушки против зятьев, а свекровь против невестки, дети вырастают, приводят в дом своих суженых-ряженных, опять тоже самое плюс. Только те, кто отъехал и возвращается по праздникам, в дни беды или необходимости, эти взрослые дети уважаемы, но тут все объяснимо, им есть куда уйти-то, нет ощущения ловушки, капкана, сетей, в которых все сидят на головах друг от друга и малейшее шевеление – шум и крик снизу. Хотя все чувствуют себя *внизу*, такие дела» («Богиня. Физиологический очерк») [4, с. 141].

Мифологема дома в произведениях Петрушевской играет не только образную функцию, но и служит сюжетобразующим элементом. Уходя из семьи, забирается часть дома: происходит раздел квартиры. Отец не уходит из дома после смерти жены, хотя есть куда и к кому уйти, потому что не может оставить сына: дом объединяет. Муж не дает развода жене, так как недавно они приобрели квартиру; на предложение разойтись он недоумевает: «Что, чего, почему, ведь квартира, вот-вот мы купим машину!» («Заечка и Алешка») [4, с. 43]. В другом случае даже уход из дома мужа на работу может расцениваться женой как предательство. Отсутствие дома означает невозможность создать собственную семью. «Мама Сони возненавидела Даньку с первого сообщения о неожиданной свадьбе, подозревая в нем провинциала, желающего подселиться не хуже лазутчика во вражеский лагерь» («Тамила») [4, с. 52]. Бедность – причина многих несчастий героев Петрушевской. «Быт, быт, нищета! Чем нищее, тем безобразнее устраивается быт, тем больше бережется старых ботинок, полтъ, сумок и неработающих телевизоров» («Тамила») [4, с. 52].

В художественном мире Петрушевской постоянно идет борьба за жилище, ярчайшим примером этому может служить повесть «Маленькая Грозная». Герои, с одной стороны, всеми силами стремятся к созданию дома, но, с другой стороны, защищая его, они разрушают его. «И в тот момент, когда все-таки она, Заечка, нашла свое счастье, вышла за Вову, уехала в его комнату в коммуналке, то встал вопрос о разделе квартиры, чему, разумеется, родня воспротивилась, – когда Заечка выселилась к мужу, там расправили, видимо, крылья, желая занять ее комнату (ведь в тот наивысший момент торжества и

признания Заечки, что она выходит замуж, выяснилось, что мама ее скособочилась и заплакала, и на ее лице не возникло выражения сочувствия или радости, наоборот, был виден испуг, явный испуг, что начнется новая жизнь, что Заечка приведет сюда, в эту трехкомнатную квартиру, мужика, и ее, мамы, жизнь закончится») [4, с. 40]. Получив свою долю квартиры, она навсегда порывает свои отношения с матерью.

Людмила Петрушевская искусно играет с культурными знаками, активно их использует, обнаруживая вековые законы бытия, заложенные в этих знаках и кодах. Однако, испытав проверку современной действительностью, они часто деформируются, носят скорее симулятивный характер, поскольку сохраняя свою внешнюю форму, они теряют свой внутренний смысл.

-
1. *Непомнящий В.С.* Пушкин // Непомнящий В.С. Избранные работы 1906-х – 1990-х гг.: в 2 т. М., 2001. Т. 1.
  2. *Топорков А.Л.* Дом // Славянская мифология. М., 1995.
  3. *Журчева Т.В.* Перечитывание и переписывание классики в современной драматургии: Людмила Петрушевская и Николай Коляда в своих аллюзиях к Антону Чехову // Литература и театр. Самара, 2006. С. 70-79.
  4. *Петрушевская Л.* Не садись в машину, где двое: истории и разговоры. М., 2011.
  5. *Керлот Х.Э.* Словарь символов. М., 1994.
  6. *Черкашина С.П.* Творчество Л.С. Петрушевской в мифопоэтическом контексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-ls-petrushevskoi-v-mifopoeticheskom-kontekste> (дата обращения: 03.04.2011).
  7. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

-
1. *Nepomnyashchiy V.S.* Pushkin // Nepomnyashchiy V.S. Izbrannye raboty 1906-kh – 1990-kh gg.: v 2 t. M., 2001. T. 1.
  2. *Toporkov A.L.* Dom // Slavyanskaya mifologiya. M., 1995.
  3. *Zhurcheva T.V.* Perechityvanie i perepisyvanie klassiki v sovremennoy dramaturgii: Lyudmila Petrushevskaya i Nikolay Kolyada v svoikh allyuziyakh k Antonu Chekhovu // Literatura i teatr. Samara, 2006. S. 70-79.
  4. *Petrushevskaya L.* Ne sadis' v mashinu, gde dvoe: istorii i razgovory. M., 2011.
  5. *Kerlot Kh.E.* Slovar' simvolov. M., 1994.

6. *Cherkashina S.P.* Tvorchestvo L.S. Petrushevskoy v mifopoeticheskom kontekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-ls-petrushevskoi-v-mifopoeticheskom-kontekste> (data obrashcheniya: 03.04.2011).

7. *Propp V.Ya.* Istoricheskie korni volshebnoy skazki. SPb., 1996.

Поступила в редакцию 7.05.2014 г.

UDC 82

MYTHOLOGEME OF "HOME" IN L. PETRUSHEVSKAYA'S PROSE

Lyudmila Ivanovna VORONTSOVA, Volga State Socio-humanitarian Academy, Samara, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian, Foreign Literature and Literature Teaching Methodics Department, e-mail: lusyok_v@mail.ru

The analysis of mythologeme analysis of home in L. Petrushevskaya's prose as the central spiritual and cultural concept in Russian culture key unit of mythopoetics is conducted. The material is taken from the book "Don't get in the car where there're already two: stories and conversations" (2011). On the example of analytical review of texts of modern writer it is shown how contents and function of cultural codes in image system of stories change. The mythologeme of home was selected as the dominant one. In L. Petrushevskaya's works this image combines a wide range of the elements from archaic codes to its modern meanings and different substitutions. The mythologeme of home loses its universal meaning and appears to be simulative, false image with its unstable features. It shows the discredit views about the house concept in comparison with traditional ideas.

Key words: mythologeme; mythologeme of home; cultural code.